

АНДРЕЙ
КИВИНОВ

КУКОЛКА

Андрей Владимирович Кивинов

Ля-ля-фа

**Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 13**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128865

Содержание

Куплет первый	4
Куплет второй	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Кивинов

Ля-ля-фа

Куплет первый

– Подъем!!!

Это, похоже, мне. Точно, мне. Потому что я тут один. Соседа-попутчика увели (или увезли) полчаса назад вместе с вещами. Но я уточню, вдруг сержант что напутал?

Сержант, однако, не напутал. Ясно, лишние вопросы в приличном месте задавать не принято. Синяк от дубинки заживет через неделю-две.

– Понятно?

Понятно. Очень больно. Очень неприятно. Очень обидно. Потому что напрасно. Не столько дубинкой, сколько по жизни.

Я человек случайный. Нет, не вообще случайный, а здесь случайно оказавшийся. Чисто случайно. Шел, упал, очнулся... На моем месте должен был быть...

Ничо подобного. Отвечает тот, кто попадаетеся. Так что кто там должен на твоём месте быть – никого не волнует. Сейчас на этом месте – ты. Лично ты, как субъект, как клеточка большого общественного организма. Маленькая больная клеточка. Болезнь не должна прогрессировать. Экстрен-

ная терапия. А синяки на заднице? Ничего. Ты – на своем месте.

– Прямо.

Клеточка выплывает из клеточки, потирая верхнюю оконечность бедра. Клеточка вдет по длинному коридору мимо снующих в форме и без оной людей, мимо скользящих взглядов, усмешек и безразлично скошенных уголков губ. Это их обычный день, это их обычный клиент. Клиент-Никто. Клиент-Ничто.

Я – никто. Гайка на конвейере.

– Сюда.

Я помню. Не совсем уж гаечный. Потолок в дырку. Как дуршлаг. Выгоревшие шторы. Столик, стульчики. Чернильница. Мужичок. Другой. Ну да, Игорь Анатольевич предупредил, что сам он не уполномочен. Что будет другой, с утра. Который уполномочен. Наверное, этот и есть. Мужичок.

– Томин?

Это снова мне. Потому что я и есть Томин. Однофамилец знаменитого телесыщика. Коля Томин, человек-никто. Мужичок, однако, стремный – крутит в руках мою паспортину с достаточно объективной фотографией и уточняет, Томин я или не Томин. Нет, я Знаменский. Пал Палыч.

Но дубинкой больше не хочу. Спрашивали – отвечаем.

– Томин.

– Николай Григорьевич. Тысяча девятьсот семьдесят ше-

стого года рождения. Верно?

Головастый мужичок. Конечно, верно. Вернее верного. Паспорт-то настоящий.

– Правильно.

– Очень хорошо, Николай Григорьевич. Моя фамилия – Небранский, старший следователь РУВД. Зовут Анатолий Игоревич. Вот, ознакомился с материалом. Пренеприятнейшая ситуация.

«Как же вы докатились?» – это я про себя.

– Как же вы докатились? – это он вслух.

– Не знаю.

Самый универсальный ответ. Ну, не знаю, в самом деле. «Колобок, колобок, куда ты катишься? Я тебя съем!» – «Не ешь меня, дяденька следователь из РУВД, я тебе песенку спою».

«Очень странно. Не судим, не задерживался, на учете в ИДН не состоял. И вот те раз. Коробок анаши, изъятый при досмотре оперуполномоченным уголовного розыска. Очень непонятно».

Да уж, конечно, Я и сам сначала не понял. Подваливает Игорь Анатольевич. «Здоров, Томин. Все бездельничаешь?» – «Я не бездельничаю, Игорь Анатольевич, я временно безработный. Второй год. А время, между прочим, на то и время, что границ не имеет. Оно все время временно. Да не заговариваю я вам зубы, Игорь Анатолич, ну, не найти мне ничего по душе. И даже без души. Спасибо, не надо, я сам.

А при чем здесь карманы? Обыск, что ли? Ах, досмотр. Досмотр-осмотр. Да нет у меня ничего, что вы привязались ко мне? Вы же меня знаете, я ни с чем таким не путаюсь. Перепродажа мелкого опта еще более мелким по закону не карается. Это рынок-рыночек. „Финансиста“ читали? А с криминалом ни-ни...»

Сглазил. Забыл. Про этот сраный коробок. Как говорит один мой знакомый наркоман: «Знал бы, где возьмут, „солломку“ б раскидал». А все Сопля:

«Том, а Том, ты все равно целый день по рынку ползаешь, ларьки обтираешь. Передай Зеленому. Он тоже обтирает. Я ж должен ему, просто завтра на рынке отсвечивать не хочу. Меня эти мудаки генеральские пасут. Сволочи, прошлый раз еле удрал. Генерал совсем рехнулся, пятьдесят процентов сверху накрутил. И попробуй поспорь – месяц на койке минимум. А я Зеленому должен. Обещался в срок. Сделаешь, Том? Завтра, а? Чего там, передал и все. С меня пиво. Какой криминал, Том? Ты чего? Да кто тебя прихватит? Ты ж никогда и нигде. Трудновоспитуемый, не больше. А если что – скинь. Не мое, знать ничего не знаю, поди докажи. Не дрейфь, Том...».

Том – широкая душа, грудь нараспашку. Поможешь ты – помогут тебе. Библейские заповеди. Поможешь Сопле, и Сопля не забудет. «Хорошо, передам, не жалко». Передал... «Игорь Анатолич, это не мое». – «Конечно, не твое. А чье?» – «Нашел. Вон, в траве валялся, а я с детского садика эти-

кетки собираю. Хобби по жизни, не мог не поднять. И в моей коллекции как раз такой этикетки нет. Смотрите, какая оригинальная – „СПИД не спит! Остерегайтесь случайных половых связей!“. Видите, как интересно. Положишь на видное место в комнатке и остерегаешься. Чуть захотел чего – СПИД не спит! Да, да, я помню. Хотите, вам подарю? По старой дружбе, от сердца оторву. Я себе еще найду. Смотрите, какой газон большой. Не надо? Тогда я пошел. У меня дела. У вас тоже дела? Ну и хорошо. Приятно иметь дело с деловым человеком. Нет, нет, подвозить не надо, я как-нибудь сам. Право, Игорь Анатольевич, вы драматизируете ситуацию. Что-что? Наркомафия? Кто нар-комафия? Я – наркомафия? Ну, вы уж совсем! Игорь Анатолич, этот вонючий коробок я нашел вон на том газоне пять минут назад! Какая анаша? Извините, я не ...здоболю, а защищаю свое честное имя. Имя Николая Григорьевича Томина по кличке „Том“, временно безработного, временно находящегося на рынке ввиду поиска честного заработка! Каждый человек имеет право на защиту. В Конституции оговорено. Ну, Игорь Анатолич, отпустите меня к маме, ну, пожалуйста, я не хотел...»

Потолок в дырочку. Выцветшие шторы, дешевые обои обоейной фабрики имени Красных Партизан. Чернильный прибор.

«Ты прав, Томин, никто мне за тебя внеочередное звание не даст. И даже в квартальный приказ на премию я вряд

ли попаду. Но закрывать глаза на расцвет наркомафии я не имею морального права. Я понимаю, что в первый раз, что не твое, но, извиняюсь, все когда-нибудь в первый раз, все не хотели. И что, теперь всех отпускать? Какая разница – коробок, стакан, мешок? Сегодня – коробок, завтра – вагон. А кодекс есть кодекс. Ношение, хранение – преступления. А весовая категория катит на срок, а никак не на освобождение от ответственности. Усекаешь? Поэтому ночуешь у нас в камере, утром придет следователь из РУВД, он уполномочен, он процессуальный человек, он возбудит дело, расследует его и передаст в суд. Суд оценит объективно-субъективную сторону твоего правонарушения, послушает твои доводы, доводы твоего адвоката, если ты, конечно, его наймешь, и влепит тебе приговор. Каким он будет, извини, пока не в курсе, но ввиду разгула наркомафии не исключено, что самым суровым. По всей строгости переходного периода. Так что шагом марш за решетку».

– Томин, ты часом не заснул?

Я тряхнул головой. Спать, если честно, хочется. В номере была жесткая постель, кроме того, сказалось отсутствие свежего белья. Плюс решетки на окне, плюс попутчик-мудила в душу влезал всю ночь. Под утро только утомонился. В общем, спать хочу.

– Просыпайся, голубчик, просыпайся. – Гражданин Небранский был не по должностному положению добр – Давай-ка обсудим нынешнее положение, как взрослые люди.

В последующие полчаса я еще раз услышал о разгуле наркомафии, о суровости закона, о моральном долге гражданина-товарища Небранско-го и всяких неприятных последствиях.

— Однако, голубчик, не всех мы мерим одной меркой, как это принято считать. Ты ведь не закоренелый преступник, по которому тюрьма плачет. Ты случайно оступился в жизни, возможно, стал жертвой стечения обстоятельств и действительно искренне ищешь раскаяния. Так зачем же ломать твою хрупкую, толком не начавшуюся жизнь?

Верно, Анатолий Игоревич, это абсолютно ни к чему. Ну так и не ломайте.

— Судимость, зона... Там ведь не перевоспитывают. Там как раз наоборот. И стоит ли нам сейчас своими руками растить достойную смену? Верно?

Рот растянулся, складки на плешивом лбу тоже растянулись. Двойная улыбка.

— Конечно, верно, Анатолий Игоревич! Очень даже правильно.

— Ну, сразу видно, ты нормальный парень. И я, пожалуй, возьму риск на себя, решу наш вопрос справедливо.

А почему «наш»? Почему не ваш, в смысле мой? наш. Только наш.

— Вот, взгляни. Это материал. В течение трех, а в исключительных случаях десяти дней я должен решить вопрос о возбуждении уголовного дела. В отношении тебя, естествен-

но. Будем считать, что у нас исключительный случай. Стало быть, десяти. Но решить вопрос о возбуждении – это не значит обязательно возбудить. Понимаешь? Закон предусматривает несколько вариантов. К примеру, если человек не судимый, положительно характеризующийся, если содеянное им не представляет большой общественной опасности, и он может быть исправлен методами общественного воздействия, закон дает мне право не возбуждать дело, а вынести постановление об отказе, копию которого я должен буду направить в товарищеский суд. В то-ва-ри-щес-кий. Где тебе пригрозят пальчиком и скажут, чтобы ты так больше не делал. Вот и все.

Вот и не все. Сладко поет. Прямо Дед Мороз какой-то. Добренький больно.

– И я могу на это рассчитывать?

– Конечно.

– Почему?

– Ну, я же говорю, ты не совсем конченный человек.

А откуда он знает, конченный я или не конченный. Он меня пятнадцать минут наблюдает. А ну я ему графином по лысине? Впрочем, что это я? Человек просто профессионал, слету врубается, конченный или нет. Конечно, не конченный. Очень даже.

– Ты с кем живешь-то?

– С ма-а-мой.

– Не работаешь?

– Временно.

– Понимаю, понимаю. А мать?

– В столовой, уборщицей.

– Да, тяжело, наверное...

– Тяжело.

– Но ты ей помогаешь?

– Помогаю.

– Вот и ладненько. Зачем матери лишние хлопоты? Она, кстати, знает, что ты здесь?

– Не-е-е...

– И правильно. Но давай определяться. Вот мой телефон и номер кабинета в РУВД, на, перепиши себе. Записал? Хорошо. В течение десяти дней тебе надо будет собрать кое-какие документы и принести мне. Тогда я прекращаю материал. Я запишу на всякий случай, чтоб не забыть. Тебе не забыть.

Ручка закрипела.

– Значит, так, характеристика с места жительства. Лучше положительная. Дальше. Где ты у нас последний раз числился?

– За школой.

– Отлично. Характеристику из школы. Далее. Справку с места работы.

– Так я ж...

– Понимаю. Устройся. Хотя бы формально, Для справки. Отлично. И справку из ИДН, что ты там на учете не состоял. Все, держи.

Пальцы свернули листик и сунули его мне в нагрудный карман джинсовки.

— Я что, могу идти?

— Конечно. Кстати говоря, Игорю Анатольевичу лучше о нашем договоре не упоминать. Я его, можно сказать, законной «палки» лишаю. Товарищеский суд ему в зачет не пойдет, хотя он тебя караулил, ловил, доставлял. А за низкие показатели ему влететь может.

— А вам?

— Мне не влетит. Я в другой службе. Но это не твои трудности. Я беру риск на себя. Жалко тебя по жизни. Все, иди, собирай документы. Главное, уложись в десять дней. Иначе, извини, у меня не будет другого выхода. До свидания, Коля...

До свидания, Толя... Я поднялся, кивнул на прощанье и, с трудом переваривая внезапно свалившееся на меня счастье, пополз к выходу из отделения милиции. Черт, неужели я отделался легким, легоньким испугом? Неужели есть еще порядочные люди? Ну, наверное, есть, главное – удачно встретиться с ними. Неужели я удачно встретился? Ну да, раз я иду к выходу, раз за спиной нет сержанта с дубинкой. Даже синяк ноет какой-то приятной, сладостной болью. Значит, мне повезло, и я готов прыгать на стены, целовать гипсовый бюст Дзержинского и орать во всю глотку. Собрать какие-то бумажки – и все. Тьфу! Да я их за пару дней соберу! Главное, мне поверили, что я действительно случайно, что я действи-

тельно не конченный, что я не Никто.

А Сопле я «умывальник» начищу. Подставил так, вонючка. В падлу подставил. Сучок.

И все, после – никакого криминала. Ни в жисть. Первый урок – в прок. Для кого ночь на нарах, что в баньку сходить, а для меня – на пару лет постарел. Или поумнел. Интересно, матери позвонили? Нет, наверное, раз Анатолий Игоревич спрашивал.

На улице весна. Запоздалая, но весна. Солнышко, птички, травка. «Травка», тьфу, будь она неладна. А, черт с ней, проехали. Так, что тут для начала? Характеристики? Сейчас.

Я достаю из кармана аккуратно свернутый листик и, развернув, гляжу на него.

Последующую минуту я стою в позе памятника Пушкина у Русского музея. При этом еще открыв рот.

Очнулся я от того, что на мою протянутую руку сел голубь и сходил по большому. Перепутала что-то птичка. Я стряхнул помет, матюкнул-ся, снова потряс головой и еще раз взглянул на бумажку.

На блестящем глянце рукой профессионала Анатолия Игоревича Небранского большими буквами были выведены всего два слова, четкие и ясные, исключаящие какую-либо не правильную трактовку:

«СТО БАКСОВ».

Куплет второй

Окна нашей уютной квартирki, расположенной на первом этаже, выходят во двор-колодец. Поэтому я, лежа на диване, даже при слегка открытой форточке улавливаю своими локаторами любые шумы, произведенные человечеством во двореке. Особенно те, что создаются прямо под тобой томными вечерами...

– Смотри, любимый, какие звезды...

– Да, любимая, они светят нам. Потому что мы вместе.

– А ты правда любишь меня? Лобызания с причмокиваниями. Любит.

– Ой, милый, кажется, дождь пошел. Ты чувствуешь?

– Да, любимая. Говорят, дождь к счастью... Я встаю и закрываю форточку. Не знаю, как насчет счастья, но то, что дядя Сева с третьего этажа опять нажрался, это точно. Наблюдается за ним определенная странность – надерется и бегом к окну, по малой нужде. Прямо на прохожих. А бывает, и песни при этом орет. «Ля-ля-фа» – любимая. Сегодня что-то не слышно. Слова забыл, наверное. Лишь бы не вывалился на головы влюбленным. «По утру там нашли три трупа...» Ля-ля-фа.

С момента счастливого освобождения я чувствовал себя, как та парочка под окном. В смысле: «Ой, на нас, кажется, пописали, любимый...».

Как было уже подмечено, выйдя из ментовки, я минуту стоял под утренним солнышком и вертел врученную мне бумаженцию, надеясь найти следы характеристики, запросов или чего-нибудь еще. Не нашел.

Первым естественным порывом было вернуться назад и уточнить, не перепутал ли Анатолий Игоревич бумажку. Но сцена вручения памятки резко восстановилась в мозгу, и желание возвращаться так же резко отпало. Профессионалы не ошибаются. Это только Штирлиц может на каких-то там чемоданах пальчики оставить, чтобы потом потеть, «потолок» ломая, как бы отовратиться. Ну, так это Штирлиц, потому про него народ анекдоты и слагает. Про Анатолия Игоревича народ пока ничего не сложил. И пальчиков его на этой записочке нет. А может, и есть. И что с того? Что там написано? «Сто баксов». И все. И только я, Коля Томин, знаю тайну написанного. Только я должен понять: хочешь гулять на свежем воздухе – тащи то, что написано. В течение десяти дней. А другой ничего не поймет. Ну, сто баксов, ну, красивый почерк. Уверенный и твердый. Как стена.

Поэтому второе мое желание – бежать и искать правду – отпало почти так же быстро, как и первое. Полуавтоматически. «Чего-чего? Взятку просит? Следователь из РУВД? А ты сам-то что за прыщ? Коля по кличке „Том“, задержанный за хранение наркотиков? Наркомафия то есть? И твой наркоманский язык поворачивается что-то там лепетать? Оговаривать честных и неподкупных сотрудников? А ну, пошел от-

сюда, если не хочешь снова в камеру! Да с тебя рваной „тонны“ не получишь, взятка, видишь ли... И бумажку свою не забудь, наркоман проклятый. Засунь ее себе сам знаешь куда...»

Поэтому я грустно ползу в сторону своего двора-колодца, на ходу разрывая на кусочки следовательскую заботу и рассуждая о винтиках, гайках и фатальном невезении.

Забыть текст я не смогу при всем своем желании. Уж очень круглая сумма. Жалко, я не страдаю провалами... Лучше бы забыть.

Да, Анатолий Игоревич...

«А что мама, работает?»

Работает. «Очень прекрасно, значит, работает». Тьфу, козел плешивый!

Мать, конечно, заработает. Месяца за три. Вместе с квартирными, то есть теми, что за сдачу одной комнаты получает. У нас двухкомнатка. Нам пока одной комнаты хватает, а вторую мать сдает приезжим. Хотя, на самом деле, с жилплощадью туго, я все ж не пацан пятилетний, свою жизнь уже имею. Но денег, этих противных денег тоже недостает, поэтому у нас временная коммуналка. Сдаваемая площадь не ахти какая великая, почти без мебели, почти без удобств, но зато и недорогая. Многих вполне устраивает такой вариант.

Мать не афиширует этот квартирный бизнес, хотя соседи, конечно, в курсе. Но соседи у нас хорошие, многих я знаю с рождения, и никто не побежит стучать в соответству-

ющие органы из зависти или по случаю сволочного характера. Мать в доме любят, меня жалеют. Безотцовщина. Отсутствие мужской направляющей руки. Что по мне, то лучше отсутствие, чем присутствие. На фиг мне такая рука, которая, подержав стакан, хватается за все, что рядом лежит, и вместе с остальным организмом начинает гонять нас с матерью по квартире. Пять лет назад рука схватила кухонный нож и пошла в наступление на зашедшего дядю Лешу, соседа со второго этажа.

В итоге дядя Леша оказался на Южном кладбище, а рука – на зоне в Форносово. Передачей в «Кресты» мать не носила. Руке вклеили «червончик», мать подала на развод и выписала руку с жилплощади. Так что я на сегодняшний день вроде как полусирота. Мне лучше. Перестали пропиваться вещи, и теперь кое-что начало перепадать и на мою душу. Плеер на день рождения, часы на Новый год... Да и прятаться по углам больше не надо. Нет руки, и слава Богу.

Мать, наверное, всех обзвонила ночью. Понятное дело. Раньше я если не ночевал, то звонил, предупреждал. А вчера даже не просил, чтобы позвонили. У матери – сердце. Слово «милиция» услышит – и тут же в обморок. Хватит ей бабки.

Надо будет соврать что-нибудь. Правду отложим на крайний случай. Если время припрет. Деньгами припрет. Должно ж у матери на черный день что-нибудь иметься. Где-нибудь в белье или под матрасом. Это, кстати, проверим.

Мать сейчас дома. Ох, влетит мне. Поэтому лучше я сна-

чала позвоню ей. А подостынет – приду. Она за часик отойдет – главное, жив, – на работу уйдет, а к вечеру и забудет. Хотя, с другой стороны, чего она так переживает? Я ж уже взрослый. Это ей все кажется, что маленький. А я большой. Большой Том. Мистер Том. Девятнадцать – не девять. Можно и не предупреждать, где ночку собираюсь провести. Матери, наверное, все одинаковые. Вон, баба Зоя с шестнадцатой квартиры своего пятидесятилетнего отпрыска все сыночком зовет, да сопли бегают подтирает.

Звонить я пойду к Джерри. На самом деле она не Джерри, а Юлька. Джерри она потому, что я Том. Том и Джерри. Как не трудно догадаться – дворовый фольклор. Джерри не обижается, а я – тем более. Джерри, мышь из мультика, персонаж положительный. Кот – не очень, но мне до фени.

С Юлькой я с третьего класса за одной партой сидел. Это было выгодно с нескольких сторон: всегда по дружбе получишь помощь на контрольной, да и, потом, приятно так близко сидеть с симпатичной барышней. С третьего по восьмой класс последнее обстоятельство меня не очень трогало, но после внутри стал просыпаться мистер Том, то есть взрослый мужик со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ну, не то чтобы я там: «Ой-ой-ой, люблю, готов на край света...». Я не готов. Просто приятно. За Юлькой полшколы бегают, улыбка – Голливуд, а она вроде как только со мной.

Правда, сейчас хуже. Юлька умная, не то что я, оболтус. В институт поступила. Пока я изучал возможности, предо-

ставленные резко начавшимся возмужанием, она сидела за учебниками. А в институте ухажеров будь здоров, того и гляди, Юлька в чье-нибудь перекрестье попадет. Или уже попала. Что-то она не такая в последнее время. Или я не такой. И все, мистер Том, ваше место занято. Товарищем с умной головой. Джерри теперь без Тома. Обидно. Черт, ревность, что ли? Никогда бы не подумал.

Джерри жила в соседнем «колодце», соединенным с нашим узеньким тоннелем-проходом. В детстве я очень боялся ходить там и делал крюк через проспект. А мать до сих пор боится.

Двери открывает сама Юлька. Я имею в виду «именно Юлька», потому что она живет с родителями, которые тоже иногда открывают двери. Сейчас их нет.

– Ты где был?

Вот так. Как будто я должен перед ней отчитываться. Надо было к Шурке пойти. Он бы не доставал глупыми вопросами. Но Шурка сейчас наверняка на рынке пасется, ему не до меня. Да и, потом, он черта с два накормит. А жрать охота.

Я захожу к Джерри. Квартирка у нее – шик, папашка – директор какого-то там треста. Да и мамаша при деньгах, главбух в СП. На жизнь хватает и без сдачи комнат.

Я молча скидываю потертые на рыночном асфальте кроссовки и прохожу в комнату. «Хай-блэк Тринитрон» выдает новости. Я беру «лентяйку», убавляю звук и снимаю трубку Юльки-ного АОНа. Дома занято. Мать обзванивает места

моего возможного пребывания. Ну что за жизнь, взрослому человеку нельзя ночкой инкогнито заняться собственными проблемами! Интересно, в мэрию мать уже позвонила? Я бы не удивился. Ставим телефон на автодозвон. Проза в стихах: «фон – вон».

– Том, я ж с тобой разговариваю. Мать телефон оборвала. Куда ты пропал?

– Гулял, – вяло отвечаю я.

– А что, позвонить нельзя было? Где ты гулял?

– Понимаешь, Юлия, как бы тебе сказать... Я именно поэтому к тебе и пришел, ты единственный человек, который может войти в мое положение. Дело в том, что сегодня ночью я, кажется, стал мужчиной.

– Тьфу, дурак...

– А я думал, ты обрадуешься. Ну наконец-то, Коленька!.. Закурить нет?

– С ума сошел?!

– А у предков?

– У нас никто не курит. И чем это от тебя так несет?

Мне крайне неловко. Несет, наверное, здорово. Но я не виноват, что в милицеских номерах напрочь отсутствуют самые элементарные кондиционеры, а влажная уборка делается только в том случае, когда сержант забудет вывести узника в туалет.

– Пожрать бы... Потом расскажу.

Джерри покачала головой и ушла на кухню. Она меня зна-

ет: если уж не хочу, из меня клещами слова не вытянешь.

Я отключил дозвон. Перерыв. «Хай-блэк» перешел к криминальной хронике. Потому и перерыв. Для меня это теперь животрепещущая тема. Живо-живо трепещущая. Я очень надеюсь, что говорящая голова не упомянет некоего Николая Томина, одного из лидеров Санкт-Петербургской наркомафии, у которого сотрудниками милиции изъято при обыске пятьдесят кило марихуаны. И всевидящая видеокамера не передаст на экраны изображение заспанной рожи упомянутого субъекта.

– Накануне из Национального музея совершена, пожалуй, самая крупная кража за последнее десятилетие. Известные преступники проникли в один из залов, где сейчас выставляются произведения всемирно известного мастера Шквар-целли. Украдены несколько офортов и золотая статуэтка «Диана на закате». Шедевры оцениваются примерно в сто миллионов долларов. По версии созданной оперативно-следственной группы, к похищению, возможно, имеют отношение работники музея, поскольку злоумышленники были знакомы с системой сигнализации и точно знали местонахождение картин. Так или иначе, это преступление может нанести серьезный урон и без того обедневшему культурному достоянию страны.

В Центральном районе совершено несколько дерзких налетов на квартиры. Во время одного разбойного нападения хозяин квартиры, молодой предприниматель, был застрелен

из пистолета. Согласно версии правоохранительных органов, все налеты были совершены одной и той же преступной группой. Стоимость похищенного приближается к ста тысячам долларов. Ведется следствие...

Ну что они все про доллары, а? Другой темы нет?

Я жму кнопку, говорящая голова беззвучно шевелит ртом, словно рыба в аквариуме, а я по новой завожу автодозвон и с первой же попытки прорываюсь в свою квартиру. Теперь главное – выдержка. Очень спокойно, тихо, голосом, полным раскаяния:

– Мама, это я...

Хорошо, что Джерри на кухне, у этого телефона сумасшедший динамик, слышно на пять метров. А содержание монолога на том конце провода исключительно приятное. Успеваешь только скромно вставлять:

– Да, мама, конечно, мама...

Но постепенно волны откатывают, буря превращается в бриз, что является хорошим признаком. К вечеру я буду прощен. Остается придумать, куда меня занесло ночью, а заодно спросить, где бы взять бумажку с портретом президента Франклина. Хотя бы на время, попользоваться.

Мать, кстати, уже пять минут занимается телефонным воспитанием, а задать наипростейший вопрос «Сынок, а может, у тебя неприятности, может, тебе денег надо?» так и не догадалась. Но я мать не виню, это она от радости, что я жив-здор. Криминальную хронику по десять раз на дню пере-

дают, можно призадуматься... А неизвестность всегда всякие кошмары рисует. Чего только не передумаешь.

– Хорошо, мама. Я у Юли. Сейчас приду.

Уже твердой рукой трубка кладется на аппарат. Сейчас я не приду. Мать все равно ждать не будет, уйдет в столовую, а у меня исключительно важное дело. Попробуй-ка за девять дней раздобыть полмиллиона при полном отсутствии твердого источника доходов, моральном падении и полнейшей деградации личности. Да, мистер Том, вы деградирующая личность. Милиция, наркотики... Завтра дойдет до краж из музеев и разбойных нападений на жилье. Дойдет, дойдет... И сами будете виноваты. Вместо того чтобы овладевать знаниями, строить светлое будущее, гармонично развиваться, целыми днями шляетесь по рынку в поисках легкого заработка и приключений на юную задницу.

А что? Я – потерянное поколение. Не в том смысле, что меня кто-то потерял, а в том, что я не могу себя найти. Я не могу найти достойного применения своему развивающемуся телу и пока не окончательно испорченной душе. Учиться? Увольте. Пять лет потей, бедствуй на стипендию, чтобы потом попасть в жидкую прослойку, называемую при социализме интеллигенцией, и до старости зарабатывать двадцать долларов в месяц, просиживая штаны в одной из контор. Не-не, я ошибся дверью.

Бизнес? Очень заманчиво, но, имея желание, я не располагаю возможностями. Нет так называемого «начального

капитала». И самое обидное, что его никто не предлагает. Сам? С удовольствием, но в моих услугах почему-то никто не нуждается. Молодой человек, понимаете, дело в том, видите ли... Пошел вон, короче.

Остается рынок. Само собой, не тот, про который говорящие головы трещат: «Мы идем к рынку!». Остается полу-черный районный рынок площадью пару га, где потерянное поколение ищет себе применение, местные бизнесмены наращивают свои начальные капиталы путем спекуляции, прикрытой красивым словом «коммерция», местные бандиты – путем попрошайничества, прикрытого красивым словом «охрана», а местные нищие – путем вымогательства, прикрытого красивыми словами «умерла мама».

Ну, и так далее. Вот какой я крутой правдолюбец и обличитель! Всех насквозь вижу. А поэтому отстегнули бы, что ли, сотню долларов? Ну, пожалуйста.

Нашего рынка нет на карте города, нет в справочнике «Весь Петербург». Он

– результат дарованной народу свободы перепродажи. Вроде как аллергия на сладкое. Съел конфетку – прыщик. С аллергией поначалу пыталась бороться местная администрация. Довольно традиционным лекарством с не латинским названием «ОМОН». Ничего не получилось. Аллергия только прогрессировала. Старая медицинская истина – почесал, ну, и разнес инфекцию. Вскоре лечение прекратилось. Как поговаривают, кто-то из «медперсонала» администрации взял.

Короче, рынок жил, рынок жив и, вероятно, будет жить. Пока есть кому брать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.